

СУПЕРАГЕНТ ДРОНГО

ЛЕГЕНДА РОССИЙСКОЙ БОНДИАНЫ

Чингиз Абдуллаев

***ПЕПЕЛ
НАДЕЖДЫ***

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.
А13 Пепел надежды / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Суперагент Дронго. Легенда российской бондианы).

ISBN 978-5-04-221616-9

Самолет с золотым запасом, принадлежащим одной из республик Средней Азии, вылетает в Швейцарию. Во время полета он неожиданно исчезает. На его поиски брошены лучшие профессионалы. О пропаже «золотого» самолета узнает и российская мафия. В розыск включается легендарный криминалист-аналитик Дронго...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221616-9

© Абдуллаев Ч.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Начало 1

- Ваше имя?
 - Константин Цапов.
 - Звание?
 - Подполковник милиции.
 - Стаж работы?
 - Восемнадцать лет, из них пять на нелегальной работе.
 - Награды?
 - Орден Красной Звезды, четыре медали.
 - Семейное положение?
 - В настоящее время холост. Разведен. От первого брака имею дочь.
 - Где проживает ваша первая семья?
 - В Москве.
 - Вы с ними встречаетесь?
 - Да. Раз или два раза в месяц встречаюсь с дочерью.
- Ей пятнадцать лет.
- У вас остались родственники на Северном Кавказе?
 - Наверное, остались. Но прямых нет. Нас было двое детей в семье. Отец погиб на фронте. Мать вырастила нас вместе с сестрой. Сестра в настоящее время проживает в Казахстане. Она вышла замуж и живет там со своей семьей. Я думаю, что могу встретить родственников, но вряд ли они узнают меня, а я их. Прошло слишком много лет.
 - Вы понимаете, Цапов, что это будет самая опасная ваша командировка? Самая опасная за все время службы.
 - Понимаю.
 - У вас есть просьбы или пожелания?
 - Нет.
 - У вас есть любимая женщина?
 - Есть.

— Это та, которую вы указали в своем письме? Адрес точный, все совпадает?

— Да, все правильно.

— Мы установим за ней наблюдение. Какие у вас еще пожелания?

— Больше никаких.

Задающий вопросы мужчина в штатском посмотрел на лежавшие перед ним документы, потом перевел взгляд на сидевшего напротив человека.

— Документы и награды будут приняты в установленном порядке, — сказал он, — ваша квартира будет опечатана. Всех, кто так или иначе работал с вами или вступал в контакты, мы изолируем. Постараемся сделать все, чтобы избежать любых неожиданностей. Хотя все предусмотреть не удастся. Придется импровизировать на ходу.

— Я все понимаю.

— И последнее. Вы дали согласие на некоторые изменения вашего лица. Врачи уверяют, что все пройдет нормально. Однако мы считаем, что вам нужно дать время для того, чтобы вы могли немного привыкнуть к своему новому лицу.

— В каком смысле?

— Мы дадим вам отпуск на две недели. Знаете, некоторый период «акклиматизации» перед вашей поездкой...

— Нет.

— Не понял.

— Вы же знаете, что у нас нет времени. Меня готовили в таком срочном порядке именно потому, что у нас совсем нет времени. Мне не нужен период «акклиматизации».

— Этот вопрос не подлежит обсуждению, Цапов. И его решаем не мы с вами. Таковы рекомендации психологов.

— Мне кажется, они недооценивают конкретную ситуацию.

— Возможно. Но выполнять рекомендации психологов мы обязаны.

— Мы не можем снизить темп операции. Я вполне могу пройти «акклиматизацию» непосредственно во время работы.

— Хорошо. Я попробую еще раз поговорить с психологами. Они и так переусердствовали с вами, проверяя вашу психологическую устойчивость. Тем не менее меня просили задать вам еще один вопрос. Последний.

— Наш разговор записывается на пленку?

- Конечно.
- Какой вопрос вы хотите мне задать?
- Как вы себя сейчас чувствуете?
- Я хочу спать. Очень устал. И не привык вставать так рано.
- До свидания. Удачи вам, Цапов.
- И вам, генерал. Надеюсь, вы сумеете меня опередить.
- Я рискую только своей карьерой, — сказал генерал. — Постарайтесь остаться в живых. И не нужно излишнего героизма. Сейчас не то время, Цапов. Героев не любят и не понимают. Сейчас время циников. Лучше быть трусливым живым циником, чем мертвым героем. Я убежден в этом.

Начало 2

Самолет стоял в аэропорту и внешне ничем не отличался от других белоснежных гигантов, стоявших по соседству. В международном аэропорту царило привычное оживление. Пассажиры спешили на свои рейсы, таможенники радостно поглядывали на потоки пассажиров, предвкушая «добычу» в виде поборов. Пограничники так же радостно оглядывали спешивших пассажиров. Вместо положенных восьми пропускных пунктов работали только три, создавая искусственные дополнительные трудности для пассажиров, которые готовы были платить деньги, лишь бы не опоздать на свой рейс.

Среднеазиатская столица нового государства, возникшего на политической карте мира после девяносто первого года, переживала процесс обретения «столичности». Патриархальный быт удивительно сочетался с ультрасовременным оборудованием реконструированного аэропорта и мощными лайнерами.

К служебному выходу на летное поле подъехала вереница автомобилей. В первой машине сидел сам начальник полиции аэропорта. Следом затормозила темно-синяя «БМВ», за которой выстроились джип и два микроавтобуса с занавешенными окнами. Замыкали процессию еще две легковые машины.

— Открывай дверь! — громко крикнул начальник полиции замешкавшемуся дежурному. Тот засуетился. Его

предупредили еще полчаса назад о прибытии автомобилей. К нему в будку явился сам начальник службы безопасности аэропорта, приказав пропустить колонну на летное поле.

Машины въехали на территорию аэропорта и сразу повернули к стоявшему несколько в стороне авиалайнеру. Подъехав к самолету, машины затормозили. Там уже стояли несколько человек, в том числе начальник службы безопасности аэропорта. Из предпоследней машины вышли министр внутренних дел республики и руководитель республиканского авиационного агентства, в подчинении которого находился аэропорт.

— Быстрее, — приказал начальник полиции. Он особенно суетился, стремясь отличиться перед министром.

Высыпавшие из машин люди в штатском начали поднимать на борт самолета ящики, осторожно вынося их из автобусов. Начальник полиции хотел было подняться в самолет, чтобы проследить за размещением ящиков, но его остановил один из штатских.

— Не нужно подниматься в самолет, — тихо сказал он начальнику полиции.

Тот все понял, согласно кивнул. Через полчаса ящики были погружены на борт самолета и микроавтобусы уехали. У самолета остались только три легковые машины.

— Уезжайте, — негромко приказал министр начальнику полиции. Он был гораздо ниже ростом, чем его собеседник, но казался подчиненному гигантом.

— Да-да, — забормотал начальник, опасаясь вызвать гнев высокого начальства. Вместе с начальником службы безопасности он сел в машину и приказал водителю уехать от самолета. Когда они свернули к зданию, он облегченно вздохнул, оглянулся и тихо спросил у своего коллеги из службы безопасности:

— Что они там делают? Кого ждут?

— Откуда я знаю, — равнодушно ответил руководитель службы безопасности, — это не мое дело. У меня был приказ к самолету никого не подпускать и обеспечить охрану. Остальное меня не касается.

— Все-таки интересно, что они там грузят?

— Меньше будешь знать, дольше жить будешь. И работать дольше будешь. Тебе ведь хорошо на этой работе?

Вот и сиди спокойно. Давай лучше пойдем ко мне. Мои ребята хороший коньяк привезли.

Оставшиеся у самолета два руководителя республиканских ведомств приказали своим водителям и охранникам также отъехать от самолета. Около них остался только помощник министра. Когда все автомобили отъехали, помощник достал мобильный телефон и позвонил.

— Все в порядке, — доложил он.

Министр внутренних дел удовлетворенно кивнул, глядя на самолет. И спросил у стоявшего рядом с ним напарника:

— Самолет проверяли? Все в порядке?

— Конечно, проверяли. Лучший экипаж поведет. Они уже предупреждены, будут здесь через пять минут. Я распорядился убрать их, пока мы все не закончим.

— Правильно. Они бы здесь только попусту болтались, — согласился генерал.

На летном поле появились еще три автомобиля. Два больших «шестисотых» «Мерседеса» с затемненными стеклами. Все знали, кому именно принадлежат эти автомобили. Машины затормозили у трапа. Из первого вышли два человека, у одного из них в руках был легкий чемоданчик. Из второй машины вылезли еще три атлетически сложенных человека и, не глядя по сторонам, поспешили в самолет. У всех троих в руках были сумки, из которых торчали дула автоматов. Третий автомобиль — большой серый «Ауди» — привез какого-то чиновника, который вышел из автомобиля последним и направился к стоявшим на летном поле.

— У вас все готово? — недовольным голосом спросил вышедший из первой машины высокий красивый молодой человек, обращаясь к министру внутренних дел. На руководителя авиационного ведомства он даже не посмотрел, лишь небрежно кивнул ему.

— Все готово, — несколько напряженным голосом доложил министр.

Он знал племянника президента в лицо. И хотя ему было неприятно, что он должен отчитываться перед человеком намного моложе его, да к тому же всего лишь руководителем коммерческого банка, тем не менее он докладывал. Он знал, что за этот рейс отвечает именно племянник президента. К племяннику приблизился вышедший из «Ауди» еще один родственник президента — замести-

тель министра национальной безопасности. Он сдержанно поздоровался с обоими министрами, но спрашивать ничего не стал. В руках у спутника племянника президента был небольшой чемоданчик.

— Тогда летим, — решил племянник. — Кто полетит с экипажем?

— Мой помощник, — показал на своего помощника министр. — Экипаж ждет, когда мы разрешим им подъехать сюда.

— Значит, они еще не в самолете? — разозлился племянник. — Вы нарочно задерживаете рейс?

Министру пришлось проглотить и это оскорбление. У него дернулось лицо, но он ничего не сказал. Обернувшись к руководителю авиационного ведомства, он только прохрипел напряженным от ненависти голосом:

— Вызывай свой экипаж.

— До свидания. — Племянник повернулся и зашагал по трапу в салон самолета. Он не стал даже прощаться с заместителем министра национальной безопасности, который тоже был родственником президента. Но он был всего лишь братом его супруги, тогда как поднимавшийся в самолет племянник был сыном сестры президента, что в патриархальных обществах ценилось гораздо выше, чем родство со стороны жены. Оставшийся у трапа родственник президента молча взглянул на министра внутренних дел.

За племянником, кивнув на прощание остающимся у трапа высшим чиновникам, поспешил и второй пассажир. Он был среднего роста, плотный, лысоватый, в очках, постоянно потевший и поминутно вытиравшийся носовым платком. Оба министра сразу признали в нем иностранца. Только министр внутренних дел в отличие от своего коллеги знал Марка Зильбермана, швейцарского гражданина и гостя их страны, в лицо. Поднимаясь по трапу, Зильберман несколько раз споткнулся. Когда он споткнулся в очередной раз уже перед входом в самолет, племянник президента, обернувшись, шутливо заметил:

— Вы явно не очень опытный пассажир, Марк.

— Я не люблю летать на самолетах, — оправдываясь, заявил его гость, входя в салон.

Родственник президента, оставшийся у трапа, попрощался с обоими министрами и, сев в свой автомобиль, отъехал от самолета, не дожидаясь, пока тот взлетит. Достаточ-

но и того, что он приехал сюда провожать этого мальчишку, недовольно подумал он. Он вовсе не обязан ждать, пока улетит этот выскочка, который пользуется доверием главы государства только в силу своих родственных связей.

О том, что он сам занял генеральскую должность из-за родственных связей с президентом, вернее — с его супругой, заместитель министра как-то не думал. Напротив, он даже считал себя обойденным, полагая, что давно мог бы быть министром. Он сел в свой автомобиль, раздраженно повертел головой и спросил у водителя и сидевшего рядом с ним телохранителя:

— Кто курил в машине?

— Никто, — удивился водитель.

— А почему здесь так пахнет?.. — разозлился заместитель министра, не знавший, на ком выместить свою злобу.

Через две минуты к самолету подъехала машина с экипажем. Командир доложил о готовности экипажа.

— Сколько у вас человек? — спросил министр авиации.

— Шесть, — удивился командир, не понимая, почему его спрашивают об этом.

Две девушки и четверо мужчин выстроились перед министром авиации. Он оглядел экипаж и дал разрешение на вылет.

— Летите. — Он не хотел, чтобы сидевшие в самолете пассажиры нервничали. — У вас будет шесть пассажиров. Пятеро уже там, и с вами как член экипажа полетит еще один человек. — Он показал на помощника министра внутренних дел.

— Хорошо. — Командир был опытным летчиком и не задавал ненужных вопросов.

Экипаж начал подниматься в кабину. Помощник, решивший подняться последним, подошел к министру внутренних дел. Тот коротко улыбнулся.

— Иди, — сказал он на прощание, и, пока его помощник не исчез в самолете, улыбка не сходила с его лица.

— Сейчас они развернутся и взлетят, — сказал министр авиации. — Нам нужно отсюда уходить.

— Пойдем, — согласился министр внутренних дел, взглянув на часы. Потом снова посмотрел на авиалайнер и снова улыбнулся.

Они повернули к зданию аэропорта. Министр авиации несколько раз обернулся, глядя, как самолет разворачи-

вается и вырубивает на взлетную полосу. Его спутник даже не стал оборачиваться. Его словно перестал интересовать полет этого загадочного самолета. Как будто такого рейса не было вообще.

— Нужно позвонить в администрацию президента, — сказал министр внутренних дел, — и доложить, что все в порядке. Самолет взлетел точно по графику.

— Вы будете звонить?

— Нет, позвони сам. И не забудь сказать: точно по графику, — напомнил министр. В полufeодальных режимах, установившихся на территории стран СНГ, значение силовых ведомств и их руководителей не шло ни в какое сравнение со значением других высших чиновников. Именно поэтому министр авиации говорил своему коллеге только «вы», а тот обращался к нему на «ты». Это была своеобразная иерархия чиновников, которую все соблюдали неукоснительно.

Глава 1

В этот день он отправился обедать в ресторан в одиночестве. Он любил обедать один, когда никто не отвлекает от раздумий и не мешает сосредоточиться. Он был гурманом, но при этом не любил сам процесс еды, получая удовольствие лишь от самой пищи. Почти всегда он обедал один и не любил, когда кто-то был рядом. Точно так же он не мог заснуть, если в комнате находился кто-то еще. Привычка размышлять в одиночестве привела к тому, что, попадая на люди, он больше всего не любил тишины. Именно поэтому он старался как можно больше говорить, чтобы разрядить тишину, которая казалась ему многозначительной и пугающей в присутствии людей и такой обычной, когда он оставался один.

В его родном городе открылось достаточное количество приличных ресторанов, чтобы там можно было обедать или ужинать, не опасаясь отравиться плохой пищей и испортить себе желудок. Если в Москве это стало почти нормой, правда, в очень дорогих ресторанах, то в Баку выглядело еще экзотикой, и даже очень дорогие рестораны зачастую не могли гарантировать качества мяса или рыбы. А вот если вы попадали в ресторан, где хозяин знал

вас немного, то могли быть уверены, что вам подадут самую лучшую пищу, как, собственно, и было принято на Востоке. Вместо дорогих ресторанов для иностранцев можно было отправиться в любой ближайший ресторанчик, где качество пищи и ее количество были гарантированы именем хозяина заведения.

Он привык к жизни на два города, привык к этому необычному состоянию после распада единой страны и теперь чувствовал себя так, словно его разрезали пополам между городом, где прошло его детство и жили его родные, и городом, где он иногда давал консультации как эксперт, работал и где жили его немногочисленные друзья. Единственное, что он мог себе позволить, это сделать так, чтобы квартиры в обоих городах были похожи друг на друга. В них была одинаковая мебель, одни и те же книги, стояли одинаковые телевизоры и висели одинаковые занавеси. Все пришлось заказывать в дорогих мебельных салонах Москвы и затем переправлять в Баку, чтобы создать подобную иллюзию. Иногда, просыпаясь в своей четырехкомнатной квартире, он не мог определить, где находится, — в Москве или в Баку, заставляя себя вспоминать об этом некоторым усилием воли. Даже окна он постарался спроектировать таким образом, чтобы они располагались одинаково. К тому же окна никогда не бывали открытыми. По давней привычке он всегда пользовался самыми плотными занавесками, исключаящими любую возможность наблюдения за его квартирой.

Гонорары, полученные за многочисленные расследования, позволяли ему вести довольно удобную жизнь, не испытывая материальных затруднений. Он не пожалел денег для надежной системы охраны его квартир. Несмотря на то что они располагались на седьмом и третьем этажах в огромных капитальных каменных домах, он умудрился предусмотреть вторые выходы, чтобы иметь на всякий случай возможность отхода.

Поднявшись по лестнице и войдя в квартиру, он убедился, что за время его отсутствия никто не заходил в нее. Он прошел в кабинет и, включив телефон, с удивлением услышал незнакомый голос. Телефон был поставлен на запись сообщений в случае его отсутствия.

— Добрый день. Мы хотели бы с вами встретиться и поговорить. Нас предупредили, что вы не общаетесь с не-

знакомыми людьми, но у нас очень срочное и очень важное дело. Поэтому мы обращаемся к вам напрямую. Это очень важное дело. Нам сказали, что вы не любите, когда вас называют по имени, и поэтому мы просим вас, Дронго, перезвонить нам по нашему телефону. Мы думаем, что вас сильно заинтересует наше предложение.

Сообщение кончилось. Дронго, подумав немного, прокрутил его второй раз. Говоривший трижды употребил слово «очень». Очевидно, что звонивший хорошо знает русский язык, однако это не его родной язык, так как выражение «вас сильно заинтересует» может принадлежать человеку, привыкшему к построению других фраз, более характерных для тюркских народов. Дронго обратил внимание и на характерный глухой голос говорившего, хотя слова тот выговаривал без акцента, и на его восточную учтивость. Насчет акцента все было понятно. В бывшем Советском Союзе многие говорили по-русски достаточно хорошо, тем более люди, долгие годы прожившие в России.

«Интересно, что им нужно? И почему меня должно заинтересовать их предложение? — подумал Дронго. — Тем более сильно заинтересовать».

Он не хотел признаваться самому себе, но в последние годы его уже ничто не могло «сильно заинтересовать». Проведя столько расследований, сумев найти и просчитать возможные действия многих десятков опасных преступников, теперь он наслаждался покоем, читал книги, размышляя над брэнностью существования. В последнее время его серьезно стала волновать проблема Галактики, которая должна была, по расчетам ученых, погибнуть через пять миллиардов лет. При этом само человечество, по тем же расчетам, должно было исчезнуть через два миллиарда лет, когда потухнет Солнце, исчерпав собственную энергию. Его почему-то волновала именно эта проблема конечности всего человечества, словно он мог дожить до того времени или этот вопрос как-то лично затрагивал его. Он с интересом читал научные, полунаучные и фантастические статьи на эти темы. Посмотрев на телефон, он отошел от него, решив не звонить настойчивым незнакомцам, сумевшим раздобыть его адрес.

Примерно через час раздался телефонный звонок. Он подошел к телефону и увидел на определителе номер тех самых незнакомцев. Определитель номеров был включен

постоянно, чтобы отсеивать случайные и ненужные звонки. Дронго поморщился и отошел от телефонного аппарата. Настойчивые звонки раздавались еще несколько раз. В половине девятого в дверь к нему позвонили. Он подошел к двери, посмотрел в глазок и, негромко выругавшись, спросил мрачным голосом:

— Что вам нужно?

На лестничной клетке стояли два незнакомца. Он их никогда раньше не видел. Один был высокий, худой, с ровной линией подстриженных усов, тонкими, четкими восточными чертами лица. Другой был чуть меньше ростом, плотный, седой. Первому было не больше сорока, второму явно за пятьдесят.

— Мы вам звонили, — пояснил пожилой. Он говорил с сильным восточным акцентом. Очевидно, текст на пленку наговаривал не он, а его молодой коллега.

— Вы ошиблись адресом, — быстро ответил Дронго.

— Нет, — упрямо сказал пожилой, — мы не ошиблись, мы пришли к вам, Дронго.

После этих слов нужно было либо посылать гостей куда-нибудь подальше, либо открывать дверь. Он пожал плечами, достал из стоявшего в прихожей шкафа пистолет, сунул его в карман и открыл дверь.

— Заходите, — пригласил он незнакомцев.

На убийц они не были похожи, но меры предосторожности никогда не помешают. На пожилом было длинное темное модное пальто с покатыми плечами, молодой был в длинной дубленке и норковой шапке, несмотря на довольно теплую погоду в Баку. Они прошли в гостиную. Дронго направился следом, уселся в кресло и, подвинув ногой к гостям столик на колесиках со стоявшими на нем бутылками и бокалами, предложил незнакомцам:

— Можете сами налить себе все что хотите.

Неизвестные переглянулись.

— Спасибо, — вежливо сказал пожилой, — нам ничего не нужно. Мы пришли поговорить с вами.

— Начнем с самого начала, — нахмурился Дронго. — Сначала вы мне расскажете, как вы узнали мой телефон, адрес, кто вы такие и откуда приехали. А уже потом перейдем к разговору о вашем деле.

Незнакомцы снова переглянулись. Молодой испытующе смотрел на пожилого. Тот вздохнул и кивнул, согла-

шаясь с требованиями хозяина дома. Но первым заговорил молодой. По-русски он говорил гораздо лучше пожилого.

— Ваш адрес и телефон мы узнали через Москву. Там у нас есть очень осведомленные люди. К сожалению, мы не можем сказать более конкретно, чтобы не подводить их. Мы прилетели из Москвы, но, как вы, вероятно, догадываетесь, мы представляем не Россию, а совсем другое государство СНГ. Впрочем, пока мы не договоримся, нет смысла говорить, какое именно государство мы представляем.

— Согласен, — усмехнулся Дронго. — Вы ответили на все мои вопросы и не ответили ни на один. Так какое у вас ко мне дело?

Неизвестные переглянулись в третий раз. Дронго терпеливо ждал. Пожилой тяжело вздохнул. Молодой заговорил:

— Мы много про вас слышали. — Он сказал именно «про вас», отметил Дронго. — Говорят, что вы лучший в мире аналитик, умеющий просчитывать любые варианты. Нам нужна ваша помощь. Мы знаем, что иногда вы проводите частные расследования, получая за это соответствующие гонорары. Мы готовы оплатить все расходы и выдать вам любой гонорар, который вы назовете...

— Если я возьмусь за расследование вашего дела, — нахмурился Дронго. — Я вас правильно понял?

— Да, конечно, — быстро откликнулся молодой, — нам кажется, что именно вы могли бы добиться конкретного результата. Ваш гонорар может быть увеличен в зависимости от сроков расследования...

— Про гонорар мы поговорим позже, — перебил его Дронго. — Насколько я понимаю, вы представляете не частную организацию, а государственные органы.

— Почему вы так решили? — вмешался в разговор пожилой.

— Потому что вы не хотите говорить мне, где узнали мой адрес и телефон. Потому что вы не называете страну, из которой прибыли, и даже не называете своих имен, пусть даже вымышленных. Из этого я могу сделать вполне конкретный вывод, что вы представляете именно государственные органы и прибыли сюда с конкретным поручением, а не по собственной прихоти.

Пожилой удивленно оглянулся на молодого, и тот улыбнулся.

— Не нужно продолжать, — вкрадчиво сказал молодой незнакомец, — вы нас сразу убедили в своих феноменальных возможностях. Давайте поговорим о нашем деле.

— Что я должен сделать?

— Сначала вы должны согласиться взяться за дело, чтобы мы могли вам все рассказать.

— Нет, — решительно возразил Дронго, — сначала вы мне расскажете, зачем вы прилетели и какое у вас дело, а потом уже я решу, стоит мне им заниматься или не стоит.

— Вы же сами определили, что мы представляем государственные организации. Это не наш секрет, Дронго. Мы не можем рассказывать его всякому встречному.

— Начнем с того, что я не «всякий встречный»...

— Я не хотел вас обидеть.

— А я и не обиделся. Я просто комментирую ваши слова. Во-вторых, я эксперт с достаточно устоявшейся репутацией, как вы сами отметили. Все, что вы здесь скажете, останется только здесь. Никто не узнает о нашей беседе в случае моего отказа. Если бы это было не так, у меня не было бы такой репутации.

Гости все время переглядывались, словно подбадривая друг друга. Молодой немного подумал и спросил:

— Когда вы полетите в Москву?

— Это имеет отношение к теме нашей беседы?

— Да, — кивнул незнакомец.

— Примерно дней через десять-пятнадцать. Вы ведь знаете, что я нигде не работаю, и, когда мне лететь в Москву, зависит только от меня. Почему вы спрашиваете?

— Нам казалось, что в Москве наш разговор был бы более конкретным.

— Я ненавижу самолеты, — признался Дронго, — и вряд ли захочу лететь в Москву только ради продолжения нашего разговора. Если вы действительно считаете, что дальше не стоит продолжать нашу беседу, то можете уходить. Когда я буду в Москве, вы ко мне приедете.

— Нет-нет, — возразил его собеседник, — я просто хотел уточнить, когда вы планируете лететь в Москву.

— Это все, что вы хотели мне сказать?

— Конечно, нет. — Молодой посмотрел на пожилого, словно спрашивая разрешения. Тот неохотно склонил

голову, недовольно нахмутив густые брови. У него было широкоскулое лицо, крупный нос, густые черные брови.

— Дело в том, — сказал его молодой напарник, — что у нас пропал самолет.

— Какой самолет? — не понял Дронго. — Что значит — пропал?

— Наш самолет, — пояснил гость, — самолет, который вылетел из столицы нашей республики и направлялся в Европу. Он исчез с радаров, и мы нигде не можем его найти.

— Какой это был самолет?

— Обычный. Не самый большой, но достаточно мощный... «Боинг-737». Он вылетел из столицы нашей страны две недели назад и пропал.

— Это был не пассажирский рейс, — понял Дронго.

— Да, это был специальный рейс.

— Где он пропал?

— Этого мы не знаем. Его маршрут пролегал через Каспийское море, Северный Кавказ, Черное море, Балканы и далее в Швейцарию. Он исчез с радаров примерно через час-полтора после начала полета. Было сообщение, что исчез самолет. Возможно, он упал в море. Но мы провели тщательные поиски. Нигде никаких следов самолета найдено не было.

— Подождите, подождите, — перебил его Дронго, — я ничего не понимаю. Маршрут самолета лежал через страны СНГ. За самолетом на всем протяжении полета следят радары, противовоздушная система ПВО России, тем более если он пролетал над Северным Кавказом. Он не мог исчезнуть просто так. Вместо того чтобы искать меня, вы могли бы запросить данные через Москву. Они могут указать вам точное место гибели самолета.

— Нет, — улыбнулся незнакомец, — не могут.

— Почему?

— Самолет не разбился. Он сел где-то в районе Северного Кавказа. Мы не можем пока точно установить, где именно, но, возможно, в Чечне или в Дагестане.

— Мне трудно понять логику ваших рассуждений, — признался Дронго. — Если самолет сел и не разбился, тогда в чем же дело? Если он разбился, то должны быть найдены его обломки. Мне кажется, что вы несколько поспешили отказаться от поисков. Вам нужно было спокойно ждать результатов расследования. Если самолет про-

пал над Северным Кавказом, то российская сторона может указать точное место его посадки. У них ведется наблюдение со спутников, мощные радары, совершенная система ПВО. Я немного знаю о подобных системах. Они могут указать вам место нахождения самолета абсолютно точно и без всякой помощи с моей стороны.

— Нет, — возразил молодой человек, — они ничего не могут. Они считали, что самолет упал в воду. Мы искали его десять дней, пока не стало ясно, что самолет приземлился где-то на берегу. Но никто не может указать, где именно находится самолет. В тот день шли мощные снегопады, была нелетная погода, и самолет мог разбиться где угодно, хотя мы считаем, что его просто украли. И, возможно, не без помощи российской стороны.

— Как это — украли? — засмеялся Дронго. — Вы представляете, что вы говорите? Самолет нельзя так просто взять и украсть. Если он перелетал через Каспийское море, значит, его вели сразу несколько радаров. Они должны отметить точку, где пропала связь с самолетом.

— Над Каспийским морем, примерно в пяти-десяти километрах от дагестанского берега, — сразу ответил молодой человек, — но это ничего не значит, экипаж самолета мог и сам отключить линию связи.

— Но не радары наблюдателей, — возразил Дронго. — Он мог не отвечать на запросы и мог быть сбит российской стороной. Но в любом случае это невозможно скрыть. Вы, очевидно, не совсем понимаете сложность такой задачи. Самолет не иголка, его нельзя украсть незаметно.

— И тем не менее мы не нашли самолет, — упрямо сказал молодой человек, — и мы просим вас помочь нам в наших розысках.

— Я понял, — сказал Дронго, — вы специально не договариваете. Какой груз был у этого самолета?

Даже если бы он ничего не подозревал, то по взглядам, какими обменялись гости, он бы все сумел просчитать. И тем более отметить промелькнувшую в их глазах тревогу и растерянность.

— Сначала нам нужно получить ваше согласие, — ответил пожилой незнакомец. — Вы согласны на сотрудничество?

Дронго медленно покачал головой.

— Нет.

— Почему? — удивленно спросил пожилой.

— Грязное дело. Уже по вашему короткому рассказу я понял, что это был не обычный рейс. Самолет перевозил какой-то груз. Судя по тем обрывкам сведений, которые вы мне рассказали, дело касается большой политики. На уголовщину подобные дела не похожи. И на теракт они тоже не тянут. Иначе взрыв разбросал бы обломки самолета по довольно большой территории. А политикой я принципиально не занимаюсь. Извините, что заставил вас потерять время.

— Подождите, — поднял руку пожилой, — вы еще не слышали, какой гонорар мы готовы вам заплатить. Назовите любую сумму.

— Я уже принял решение.

— Пятьсот тысяч долларов, — решительно сказал пожилой, явно сам поражаясь подобной сумме.

— Нет.

— Шестьсот тысяч. Подумайте, Дронго, какие это деньги. Вы не заработаете столько за всю свою жизнь.

— Нет. Если бы я хотел зарабатывать деньги, я бы давно открыл частную детективную контору.

— Семьсот, — разъяренно произнес пожилой.

— Вы теряете время.

— Восемьсот, — вымолвил его собеседник. — Не сходите с ума, соглашайтесь.

— До свидания, — поднялся Дронго.

Оба гостя растерянно замолчали, и вдруг молодой незнакомец почти выкрикнул, удивляясь собственной смелости:

— Миллион долларов! Мы согласны заплатить вам за найденный самолет с грузом миллион долларов.

Дронго повернулся к гостям, внимательно посмотрел им в глаза и четко произнес:

— Если до этого я еще мог сомневаться, то теперь тем более отказываюсь от подобного расследования. Раз вы готовы заплатить такую фантастическую сумму, то совершенно ясно, что это не просто грязное дело. Это еще и почти безнадежное дело. Я отказываюсь. Можете быть уверены, что наш разговор останется тайной.

Оба гостя, поднявшись, молча прошли к вешалке, оделись. Уже выходя, молодой сказал, оборачиваясь к Дронго: